

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-139

DOI 10.17223/19986645/22/1

Д.Н. Галимова

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА В ГОВОРАХ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ¹

В статье рассматриваются когнитивные метафоры, функционирующие в амурских говорах. На основе анализа метафорических единиц, относящихся к понятийной сфере «человек», описывается отражение в метафоре практического опыта человека. Делается вывод о том, что одной из особенностей мировидения диалектоносителей является идея неконтролируемости происходящего с человеком.

Ключевые слова: диалектный дискурс, миромоделирование, метафора.

В настоящее время в когнитивной лингвистике основное внимание уделяется исследованию способов категоризации накопленного человеком чувственного и практического опыта и его вербальной репрезентации. В рамках когнитивной лингвистики единицы языкового уровня рассматриваются как отражение когнитивной деятельности. В качестве одного из «инструментов» категоризации мира выступает метафора. Она позволяет проследить способы трансформации знаний и представлений о мире, понять когнитивные механизмы формирования семантики.

Превращению метафоры в один из основных объектов исследования в рамках когнитивно-логической парадигмы с точки зрения ее связи с когнитивными структурами и процессами категоризации мира способствовала разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном *теория концептуальной метафоры*. В рамках этой теории метафора рассматривается как повседневная реальность языка («Мы... обнаружили, что метафоры проникли в повседневную жизнь не только в языке, но и в мыслях, и действиях. Наша обычная понятийная система, в рамках которой мы и думаем, и действуем, является фундаментально метафоричной по своей природе» [1. С. 453]). В метафорической категоризации действительности важную роль играет опыт непосредственного взаимодействия человека с миром, он организует, структурирует некоторую «довольно абстрактную или по природе своей неструктурированную сущность» (сферу-мишень) «в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [1. С. 395]. В первую очередь такая метафорическая «проекция» образов и понятий, взятых из перцептивного, интеллектуального, эмоционального, моторно-двигательного опыта человека, осуществляется при представлении абстрактных категорий времени, эмоций, чувств, мышления, памяти, социальных отношений. Не менее необходимым метафорический перенос оказывается для характеристики

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №11-06-90723-моб_ст.).

или оценивания конкретных сущностей: частей тела и органов человека, предметов быта, инструментов и т.д.

Рассматривая метафору как отражение модели мира, существующей в сознании человека, ее, на наш взгляд, следует считать единицей лингвокогнитивной – вербализованным отражением результатов мыслительной деятельности. На основании анализа соотношения исходного значения (ИЗ) и резульативного значения (РЗ) метафоры может быть выстроена схема, которая отражает закономерности метафорического переосмысления фрагментов действительности, – метафорическая модель. В ней отражается соотношение исходной понятийной области (сферы-источника), к которой относятся прямые, неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц, и области, на которую проецируются некоторые метафорические признаки (сферы-магнита).

Метафорическая модель, способная в некоторой степени определять наше восприятие жизни, называется *базовой* – это модель, выделяемая «эмпирически обобщением семантических механизмов смыслообразования единиц лексического поля на основе единства признаков: тип исходного значения, тип резульативного значения, тип семантической ассоциации, на основе которой устанавливается логическое отношение подобия» [2. С. 19]. Базовая (ключевая) модель «задает аналоги и ассоциации между разными системами понятий и порождает более частные метафоры» [3. С. 14], т.е. частная и базовая модели связаны отношениями иерархической подчиненности.

На основании анализа совокупности метафорических моделей (направлений метафорических переносов в них) возможно выявить антропометрическую позицию, служащую фильтром, сквозь который воспринимается мир, и описать когнитивную модель мира, т.е. в конечном итоге объяснить, каким видится мир носителю языка и каков он сам в этом мире.

Обращение к метафорическим моделям диалектного дискурса позволяет выстроить метафорический фрагмент языковой картины мира диалектоносителя, в которой отражены свойственные деревенской культуре традиции, уклад, быт; наивный, эмпирический образ действительности. Эта модель мира является совокупностью репрезентированных в языковых единицах представлений о мире, его интерпретацией; она формируется исторически, и для данной языковой общности значительная ее часть остается стабильной на протяжении всего времени существования этой общности.

Цель данной статьи – анализ особенностей метафорического миромоделирования в диалектной речи с позиций когнитивного подхода к фактам языка. В соответствии с принятой в данном направлении традицией наравне с метафорами в узком смысле слова мы рассматриваем образные сравнения (*как пух* ('мягкий'), *как виноград* ('гладкий'), метонимии (*ручечки не хотят работать, люди с галстуком*); учитываем не только лексические метафоры, но и фразеологизмы (*пойти под откос, в жизнь войти*); рассматриваем слова различных частей речи, лексико-грамматических разрядов и семантических объединений. Такое расширение границ анализируемого материала связано с концептуальными характеристиками разных единиц: все они имеют общую с метафорой когнитивную основу, построены на соотношении разных концептуальных областей (см. подобный подход в работах А.Н. Баранова, Ю.Н. Ка-

раулова, О.И. Глазуновой, Л.И. Ермоленкиной, И.М. Кобозевой, Н.А. Мишанкиной, З.И. Резановой, А.П. Чудинова, Е.А. Юриной и др.). При когнитивном анализе, позволяющем исследовать ментальные структуры, «понятийное сближение воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия» [4. С. 37]. Этим объясняется и тот факт, что в указанных работах, как и в данном исследовании, отсутствует противопоставление конвенциональных (стертых, мертвых) и креативных (новых, живых), узуальных и окказиональных метафор.

В ходе работы мы анализировали метафорические единицы, полученные в результате сплошной выборки из текстовых и аудиозаписей диалектной речи жителей Амурской области (480 метафорических единиц, около 730 контекстов употребления). Проведенный анализ показал, что в зоне регулярного метафорического осмысления в амурских говорах находятся три понятийные сферы: «человек» (67,33% от общего количества зафиксированных метафор), «природа» (15,24%), «артефакты» (17,43%). В сфере «человек» наибольшее количество метафор относится к понятиям, отражающим абстрактные сущности (жизнь, время, болезнь, память, социальные изменения и т.п.).

Метафорическое моделирование действительности в амурских говорах отражает общие закономерности метафорообразования: мир, отраженный в «зеркале метафоры», в значительной степени антропоморфен (около 72 % общего количества зафиксированных метафор имеют в качестве источника объекты сферы «человек»). Переданный метафорой антропоморфизм абстрактных и конкретных сущностей является отражением стремления говорящего интерпретировать мир через наиболее близкое и понятное – через свои действия, ощущения, свои физиологические особенности. Образы физически активного человека выступают основанием для метафорического моделирования психических процессов и состояний, интеллектуальных процессов, физических действий, физиологических состояний, экзистенциальных представлений человека (*голова работает, жизнь пролетела*); для интерпретации вегетативного цикла и функционального назначения растительных организмов, для интерпретации проявлений объектов неживой природы и природных явлений (*каша выручила, берёза стареет, деревья одеваются, озёра умирают, туман захватил*). Физиологические особенности человека, его поведенческая характеристика, отраженные в метафорических существительных и прилагательных, выступают в качестве источника метафорической интерпретации растений и их частей, отличительных внешних признаков инструментов, приспособлений, построек (*чёрный принц, мужское сердце* (названия растений); *дом-сирота; бородака* топора; *рука косы; язык; горло; туловище* рыболовного снаряда).

Наиболее активно в сферу метафорических отношений вовлекаются понятия, относящиеся к сфере «человек». В данной статье мы охарактеризуем способы метафорического моделирования понятийной сферы «человек», что позволит сделать вывод об особенностях ее образной интерпретации в языковом сознании диалектоносителя.

Метафорические модели формируются зафиксированными в диалектном дискурсе метафорами, которые классифицированы в соответствии с отмеченными направлениями метафорических переносов. Рассматриваемые модели

группируются на основании общности сферы-мишени (отнесенности к тому или иному понятию). Каждая из сфер может быть представлена одной или несколькими моделями.

1. Метафорическая интерпретация экзистенциальных понятий

Метафорическую интерпретацию в амурских говорах получают как внешние, физические проявления человека, так и его внутренние психические и интеллектуальные процессы. В «зоне актуального внимания» человека (термин В.Е. Гольдина) находятся его экзистенциальные представления – о *жизни* (и входящих в нее, столь же значимых для диалектоносителя *болезни, времени, социально-исторических явлениях*) и *смерти*. Среди экзистенциальных понятий наиболее разнообразную метафорическую интерпретацию получает понятие *жизнь* (22 % от общего количества метафорических единиц, зафиксированных в данной понятийной сфере).

Понятие *жизнь* абстрактно, однако, оперируя им в речи, говорящий стремится наделить его конкретными чертами. Метафорические единицы данной группы в прямом значении обозначают материальные объекты. Среди метафорических моделей *жизни* можно выделить три основные: 1) пространственная модель, в ее основе лежит представление о **жизни как о дороге**, по которой движется человек, о **жизни как земном пространстве** и о **жизни как водном пространстве**; 2) субъектная модель, основанная на представлениях о **жизни как об активном субъекте**, перемещающемся и совершающем какие-либо действия в отношении человека; 3) объектная модель, представляющая **жизнь как материальный предмет**, наделенный соответствующими признаками.

Пространственная модель, реализующаяся в метафорах подмоделей «жизнь – это земное пространство» и «жизнь – это водное пространство», отражает стремление человека определить свое место в мире и характеризовать жизнь-пространство относительно себя и себя относительно этого пространства. При этом человек определяет свою позицию как активную (перемещение в жизненном «пространстве») либо как пассивную (наблюдение за иными перемещающимися «объектами»). В первом варианте жизнь осознается как линейное движение от начальной точки в определенном направлении (*Сима, он тебя обманет! Он тебе не возьмёт! Той-то не жалко, а тебе надо ещё **жить** идти*). Метафорический перенос осуществляется на основе сходства двух процессов – *жить* и *идти*: и то и другое предполагает смену окружения для человека (идушего или живущего), постоянную активность субъекта этих процессов, определенную направленность его движения (хотя и не зависящую от субъекта, находящегося в процессе *жизни*), ограниченность времени протекания названных процессов, относительную возможность выбора пути, смену его состояний (в первую очередь физических), наконец, замену исходного пункта конечным. В сознании многих диалектоносителей человек проживает всю свою жизнь в дороге, что отражается в выражении *всю дорогу*, употребляющемся в значении ‘всю жизнь, постоянно на протяжении жизни’ (*Моя мать, покойница, у колхоз пекла. **Всю дорогу** пекли хлеб. Раньше в каждого были печки*). Представления о *дороге* и связанных с ней ситуациях перемещения становятся источником для метафоризированного представления об этапах, промежуточных результатах пути (*К лучшему не*

пришли. А идём от того, к чему пришли!), о возможных препятствиях (*Вот, говорят, не обойдёшь, не объедешь, где вот наречено, сколько тебе наречено и... Всё*).

Занимая пассивную позицию по отношению к своей жизни, человек метафорически моделирует свое бытование как нахождение в некоем пространстве, через которое проходят разные жизненные события (*Ели и собак, и кошек. Это очевидец я. Это всё прошло через мою жизнь, поэтому я и улод, и холод знаю, и войну знаю, всё*), как наблюдение за жизнью (*жизнь течет незаметно*). Жизненные ситуации персонифицируются: для их обозначения говорящий выбирает глаголы активного перемещения в пространстве (*Да, это всё уходит, всё уходит, в жизни щас всё по-другому, щас не поют же*).

Метафорическое моделирование жизни как земного пространства, в котором обитает человек, предполагает, что живущий должен проявлять свою активность, совершая какие-либо физические действия, чтобы обустроить свою жизнь (*Если хороший муж ещё попадётся, какой попадётся. Ну, если такой вот, можно увернуться, но это надо крутиться много*). Нормой жизни как перемещения по водному пространству является спокойное плавание, при котором человек держится на поверхности и постоянно движется в выбранном направлении. Отдельные жизненные события могут расцениваться как препятствия (*Жизнь моя проходила хорошо. Всю жизнь в работе. Доярка. А когда пришлось пенсию получать, то и... На якорь посадили*), неправильный, с точки зрения диалектоносителя, аморальный образ жизни интерпретируется как беспокойное поведение на воде (*А у неё мужик такой, выпьет – дрался, ревновал её. Ну, она села и уехала куда-то туды вот. А он здесь бултыхается. Пьёт*). Но жизненные события, дела, заботы, из которых складывается жизнь, в сознании говорящего сопоставимы с водой, в которой можно утонуть, не удержавшись на плаву (*– Какая она красивая (молодая девушка на фотографии). – Да, а как утонула в жизни, дак...*).

Второй по значимости среди метафорических моделей жизни в амурских говорах является модель жизни как активного субъекта, перемещающегося в пространстве мимо человека, статичного по отношению к этому движению (*жизнь подошла; пришла; прошла; проскочила как будто один день*), либо субъекта, оказывающего на человека деструктивное воздействие или воздействие на его волевую сферу (*И свиаркой работала, и дояркой работала. Жись всё заставит, девчаты, всё заставит; Жизнь надолбёт – всё ценить станешь*). Жизнь как дискретная сущность, как ряд поочередно сменяющихся периодов, этапов может быть отражена моделью «жизнь – это множество сменяющихся друг друга активных субъектов»: детство, молодость, старость человека интерпретируются как субъекты, которые приходят в пространство бытования человека, проходят через него и удаляются (*молодость прошла, старость пришла, старость подошла*). Эти этапы отражают для говорящего течение времени, поскольку движение времени вообще человеку свойственно воспринимать в первую очередь в тесной связи с событиями собственной жизни.

Метафорический образ может быть основан на бинарной архетипической оппозиции, опирающейся на пространственное и чувственное восприятие. Например, метафора *пойти под откос* в следующем высказывании основана

на оппозиции «верх – низ»: *Дети поумирали старшие... Сын седьмого февраля умер. Вот заболел, заболел, в больнице двенадцать дней полежал и умер. Любила я, конечно, и частушки петь, и песни петь. Всё было. А щас у меня всё **пошло под откос***. Движение вниз маркируется в языковом сознании как нечто негативное, если же соотнести метафорическую ситуацию с реально возможной ситуацией крушения поезда, появляется оценка события не просто как отступающего от нормы в отрицательную сторону, но как катастрофического в масштабах одной человеческой жизни. Данная метафора относится к *ориентационным*, по классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона: это метафоры, основанные на физическом и культурном опыте человека, связанные с пространственной ориентацией и отражающие организацию целого фрагмента реальности по образцу некоего другого фрагмента. Противопоставления типа «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «широкое – узкое» и т.п. можно выявить в сферах, непосредственно не связанных с какой-либо системой координат, например в сфере чувств (*я в приподнятом настроении, я пал духом*), в сфере социальных отношений (*высокий / низкий социальный статус*) в сфере морали и нравственности (*высокоморальный поступок – низкий поступок*) [1].

Третьей по продуктивности в диалектном дискурсе является модель жизни как объекта, который может быть передан человеку или изменен в результате чьих-либо деструктивных действий (*жизнь досталась, жизнь сломалась*). Синонимичной по отношению к жизни в подобных высказываниях выступает человеческая судьба (*И судьба такая **попалась** плохая*). В представлении говорящего жизнь может быть уподоблена материальному объекту, состоящему из нескольких частей, – чему-то, что в состоянии готовности должно быть сложено определенным образом, метафорически это передается глаголом соединения (*Ну, вот Людочка эта щас в Барнауле живёт. Ну, щас она замужняя, конечно, деточки у неё есть. Сын на путях работает, дочка на «Десятке» бухгалтер. Так жись **складывается***). Жизнь может выступать как прямой объект разрушительного действия самого проживающего эту жизнь или действия некоей разрушительной силы (*Всю жизнь прожила – всю жизнь себе **поиспортила, всё поиспохабила***). Метафорические единицы диалектного дискурса представляют жизнь-норму как нечто единое, цельное, слаженное, но непостоянное, непрочное, качество чего может быть изменено внешним воздействием.

Помимо перечисленных метафорических образов жизни в амурских говорах, вполне вероятны и многие другие, ведь для метафорической картины обычным является то, что «каждое абстрактное имя вызывает к жизни представление не об одном конкретном предмете, а о целом ряде различных предметов, обладая одновременно свойствами, репрезентируемыми каждым из них» [5. С. 60]. Восстанавливаемые из разных словосочетаний с одним абстрактным именем «материальные» коннотации вряд ли сложатся в единый образ, но разные метафорические модели, представляющие эту абстракцию, говорят о разнообразии взглядов, а бóльшая наполненность конкретными примерами одних моделей по сравнению с другими указывает на образ, наиболее актуальный для диалектоносителей (в нашем случае это образ жизни как активного субъекта и следующая из этого невозможность контролировать

происходящее). Так, отмечается в диалектном дискурсе зооморфный образ жизни-птицы (*Сядешь друуой раз и думаешь, боже мой, вроде бы и не жили, и жизнь прошла. Вот не жили – и уже всё пролетело. Вот это за жизнь*). Оценки, которые дают диалектоносители прожитой жизни, различны, но в большинстве высказываний жизнь воспринимается как нечто данное и не поддающееся изменениям со стороны человека (*Как жись суждена какой быть, и всё*).

Абстрактная категория *времени* также получает в диалектном дискурсе метафорическую интерпретацию. Наиболее продуктивной является модель линейного, «развернутого» по горизонтали времени, реализуемая как модель движения времени относительно человека. Говоря о движении времени, диалектоносители чаще называют определенные временные отрезки (*год, лето, день*, ср. также *молодость, старость*), которые они могут соотнести с течением своей жизни, чем судят о времени вообще (*время течёт*). Поскольку движущееся время воспринимается как необратимое и человек не может повлиять на скорость смены суточных и годовых циклов, время чаще всего сопоставляется с проходящим мимо человека активным субъектом, движущимся в одном направлении. Время-субъект находится на оси временного пространства, точка отсчета на которой является местом расположения человека. Наступление какого-либо периода интерпретируется как приближение времени к этой точке отсчета (и к человеку), последовательная смена периодов осмысливается как перемещение, в ходе которого время-субъект минует человека (*тридцать третий год подошёл; тридцатые года пошли; пробежит летычко*), т.е. время, как и жизнь, интерпретируется как множество активных субъектов, которые приходят на территорию бытования человека, его жизненное пространство, или проходят мимо него.

Представление о времени как об активном субъекте, перемещающемся *независимо* от человека, свидетельствует о восприятии времени как сущности, неподвластной человеку, неконтролируемой. Так же неподконтрольно человеку течение реки, поэтому совершенно естественно появление в диалектном дискурсе модели «время – это река» (*Время бежит, течёт, как вода течёт*).

В потоке времени человек склонен выделять некоторые отрезки, на протяжении которых происходят конкретные события социального характера, и интерпретировать их также метафорически. Для наших информантов такими знаковыми событиями, повлиявшими на ход их жизни, являются Великая Отечественная война и изменения в постсоветскую эпоху.

Война интерпретируется как агрессивно настроенный по отношению к человеку субъект, который оказывает на него деструктивное воздействие (*война напала, война многие жизни перековеркала*), ограничивает в каких-либо действиях (*война не дала доучиться, война помешала пожить*), принуждает действовать каким-либо образом (*война заставила траву есть*). Субъектный образ войны создается метафорами, в которых человек выражает обвинения в адрес войны, используя формулировки, которые обычно применимы по отношению к человеку (*Война проклятая натворила делю; Ой, война, война, что же ты наделала?! Мною-мною людей поубило*).

В метафорической интерпретации ситуаций, отражающих общественные изменения в постсоветскую эпоху, объектом деструкции выступает не человек, а социальное устройство, материальные неодушевленные объекты и вся жизнь вообще. Изменение социального устройства метафорически моделируется как различные физические действия с живыми и неживыми организмами. Люди, основная часть жизни которых прошла в одном общественно-политическом строе и которые под конец жизни попали в совершенно иные социально-исторические условия, метафорически оценивают сложившуюся в стране, и в первую очередь в деревне, ситуацию как *переворот* или *распад*, *развал*. При этом говорящий зачастую не конкретизирует, чего именно касаются эти изменения, потому что в его представлении переменялось всё (*Перевернули всё на свете, и совсем жизнь другая стала; Она распадается вся, деревня; После перестройки увсё и стало разваливаться*). Деструктивные социальные процессы моделируются как деструктивные физические процессы. Глаголы деструктивного воздействия на объект и глаголы разрушения/разделения (*разбить, развалить, разломать, разрушить, разбурить*) используются для обозначения нарушения целостности объекта, воспринимаемой как норма (для метафорического переосмысления значимым выступает общий для ИЗ глаголов признак «нарушение целостности»). Приведенные метафоры являются также дискурсивным отражением базовой метафорической модели «ухудшение – это разделение целого на части». Ухудшение социальной обстановки интерпретируется диалектоносителями также как физическая гибель (модель «распад социальной структуры – это гибель живого организма»): *Той деревни нету, и Иннокентьевка, считай, всё, гибнет деревня, она уже поубаивает*.

Болезнь, в силу возраста наших информантов, является одной из самых актуальных тем, что наряду с абстрактным характером данного понятия объясняет значительное количество метафорических выражений. Заболевший человек говорит о появлении заболевания и о проявлении признаков болезни; в диалектном дискурсе это отражается в субъектном и объектном метафорических образах болезни. В первом случае болезнь персонифицируется в образе активного по отношению к человеку субъекта; о ее появлении, распространении и исчезновении чаще всего сообщается посредством метафоризации глаголов перемещения относительно объекта: *болезни ходили, болезнь пришла, грипп нашёл (на кого-л.), шишки наускакивают, грыжа ушла* и т.п. Проявления болезни метафорически передают глаголы воздействия на объект (*болезнь давит, бьет, крутит, выдёргивает, бросает, трясёт*).

Активная роль отводится болезни и в метафорах, интерпретирующих распространение болезни как распространение огня (*туберкулёз вспыхнул*). Модель «болезнь – это огонь» реализуется в метафорах, называющих болезненные ощущения человека (*ноги оунём горят*), интерпретирующих исчезновение симптомов болезни как угасание огня (*На ноге <...> красно стало всё. Три раза съездила к колдунье – и всё стухло*); физическое ощущение жжения и покраснение на месте фурункула дало основание назвать сам гнойный нарыв *огником*.

Объектный метафорический образ болезни возникает в высказываниях о болезнях, передающихся половым путем: по отношению к болезни-объекту

человек метафорически интерпретируется как активный субъект, способный в данном случае, в отличие от абсолютного большинства остальных заболеваний, контролировать ситуацию (...*жена с другим скрутилась. Вот и поймала она сифилис; Она начала там гулять, пить, трепаться, схватила сифилис этот*).

Не менее важна для говорящего информация о состоянии заболевшего человека. Изменение физического состояния моделируется как изменение физического положения в пространстве: переход из здорового состояния в больное интерпретируется как изменение вертикального положения на горизонтальное (*А тут как свалилася совсем, лежала два, два года*), прекращение физической активности интерпретируется как принятие сидячего положения (*Сердце сильно бьётся <...> И пела, и плясала, и всё делала. Но теперь села*), возвращение в нормальное состояние описывается через глагол удаления от объекта (*Это я щас ничё, отходить помаленьку стала. Это меня ридикулит схватил, а щас ничё*).

Больную часть тела диалектоноситель персонифицирует в метафорическом высказывании: рука или нога осмысляются как активные субъекты и оказываются «виноваты» в неработоспособности или неподвижности человека, так как *подводят* его, *отказываясь* двигаться, *не работая* (*Вот ноги не ходют. Ой, горе. Ноги-то и подвели-то; Когда вот болеешь, мозги не работают; А щас ручки не хотят работать*).

Ряд метафор в амурских говорах организуется по базовой метафорической модели «человек – это растительный организм». Этапы жизненного пути человека в диалектном дискурсе моделируются как этапы вегетативного цикла растительного организма. Физическое состояние и внешний вид завершающего свой жизненный цикл человека соотносятся с «состоянием», видом и формой дерева, находящегося в завершающей фазе его бытования: ослабевший от старости и болезней человек уподобляется «нежизнеспособным» остаткам растительного организма (*пень, труха, гнилушка*); недвижимый от болезни, немощный человек уподобляется остатку, безжизненной части дерева – *чурке*.

Реализацией другой базовой модели диалектного дискурса – «человек – это животное» – являются метафоры, которые соотносят ослабленного болезнью человека, утратившего способность быстро двигаться, с *черепахой* как одним из самых медленных живых существ (*Здесь врача нет, а мне уже восемьдесят. Кто меня, черепаху, в город к врачу повезёт?*).

Среди абстрактных категорий, получающих метафорическую интерпретацию, немаловажное значение имеет категория *смерти*. В традиционной картине мира народные представления о смерти вербально выражены слабо, что может быть объяснено табуированностью темы. Представления диалектоносителей о смерти связаны с мифологическим образом антропоморфного существа (субъектный образ), образом свободно перемещаемого материального объекта (объектный образ) или с пространством, куда уходит умерший (пространственный образ). Образ смерти, в котором она персонифицирована, вероятно, связан с проецированием на ситуацию смерти общих моделей поведения человека (*смерть пришла; жду-жду этой смерти, она никак не идёт; смерть не спрашивает*). Отдельные метафоры отражают представле-

ния о смерти как о материальном объекте, который могут *принести* человеку другие люди или *забирают* с собой, не давая ему умереть; так говорят о смерти люди, которые испытывают мучения от болезни или немощности (*Она же, бабка, не подымается, уже лежит так это: «А ты уже, Маша, принесла мне смерть?»; У нас которы люди померли, лет по десять и даже по пятнадцать моложе и померли, а я живу. Они мою смерть забрали*). Пространственный образ смерти представлен в высказываниях диалектоносителей, скорее, косвенно: когда сообщается об умерших, о них говорят как о тех, кто *ушёл*, т.е. перешел в другое пространство (*Мноую ушло из жизни. Наша очередь подходит; Сколько ни живи, а туда надо*); смерть-уход может быть интерпретирована как перемещение в определенное место – место расположения деревенского погоста (*уйти за мост, уйти в роуцу*).

2. Метафорическая интерпретация поведения

Большинство метафор, отражающих сферу межличностных отношений, созданы по модели «социальные отношения между людьми – это физические действия людей». Поведенческая характеристика человека также может быть представлена через субъектные, объектные и пространственные образы (метафорические модели «психологическое сближение – это физическое сближение», «повторный брак – это приобретение предмета», «замужество – это перемещение в пространстве» и др.). При этом многие отношения между людьми уподобляются физическим действиям различного характера, в том числе реализуемым относительно какого-либо пространства или направленным на объект. Как направленное перемещение в сторону объекта, взаимное перемещение относительно одной точки, перемещение относительно некоторого пространства интерпретируется психологическое сближение людей и начало межличностных отношений (*подкатиться* – ‘начать ухаживать, имея какое-л. намерение, цель’, *сойтись* – ‘начать совместную жизнь; создать семью’, *войти в жизнь (с кем-л.)* – ‘начать совместную жизнь с супругом/супругой’, *вернуться из замужества* – ‘начать жить отдельно от мужа; развестись’). То есть психологическое сближение либо рассоединение с другим человеком интерпретируется как физическое перемещение в горизонтальной плоскости. В диалектной метафоре находит отражение непосредственный физический, социальный опыт человека: отношения между мужчиной и женщиной предполагают реальное физическое сближение людей, замужество как перемещение в пространстве объяснимо традиционным для русских уходом женщины в семью мужа сразу после свадьбы. Поскольку в ситуации «приобретения» мужа присутствовал элемент случайности, обусловленный традициями, бытовавшими в русской деревне до середины XX в. (девушки нередко выходили замуж по воле родителей, а те, кто самостоятельно находил мужа, обычно не имели возможности хорошо узнать его до замужества), то в диалектном дискурсе этот факт отражается в метафоре *попасть* – ‘достаться’ (*А тут и взамуж выйдут, если **попадёт** хороший, путный, дак хорошо*). Женщины, вторично вышедшие замуж или вступавшие в так называемый гражданский брак, говорят об этом уже как о результате их осознанного решения, употребляя метафоризированный глагол со значением приобретения *взять* и глагол со значением получения в свое распоряжение *принять* как глаголы активного действия субъекта (*я друуюго **взяла** деда;*

двенадцать лет одна прожила, потом вот этого деда **приняла**). Таким образом, появление рядом нового человека расценивается как случайное или осознанно подготовленное появление некоего объекта вообще.

Физические действия, «направленные» в пространстве по вертикали, чаще всего служат основанием метафорического уподобления отношений доминирования – подчинения либо помощи объекту действия. Доминирование в межличностных отношениях метафорически связывается с местом, расположенным наверху, и моделируется как действия с/над материальным объектом (*верх взять* – ‘оказаться физически сильнее противника, победить’; *держат в руках* – ‘контролировать чье-л. поведение, не позволять нарушать установленные правила приличия’; *поставить на место* – ‘заставить выполнять какие-либо действия’). Помощь человеку интерпретируется как придание объекту вертикального положения или перемещение его вверх (*поднять* – ‘вырастить, помочь стать самостоятельными (о детях)’; *поставить на ноги* – ‘создать кому-л. условия для физической и материальной независимости’). Подчинение одного и доминирование другого в семейных отношениях метафорически интерпретируется как военные действия (*Это мы вместе жили. Ой, воевали!*; *Дед у меня командир, всю жизнь у него выработано, он командует мной*).

Как деструктивное физическое воздействие на объект интерпретируется проявление отрицательного отношения к человеку (*оттолкнуть* – ‘выразить нежелание общаться, прекратить отношения, отвергнуть’; *обсасывать* – ‘обирать кого-л., наживаться за счет кого-л.’; *проглотить* – ‘морально или физически подчинить себе или уничтожить кого-л.’).

Незначительное количество диалектных метафор построено по принципу метонимического переноса: конкретное действие метонимически определяет общий тип поведения человека. Например, ситуация, в которой человек, находясь на прибыльном месте, не может устоять перед соблазном воспользоваться своим положением, метафорически описывается через возможную и естественную для диалектоносителя бытовую ситуацию, возникающую при производстве масла в домашних условиях: *Что ресомируют (реформируют)? Вот я маслом мешала, и чоб я свою руку не облизала, дала б тебе её облизать! Да я её сама оближу*. Мотивирующей базой для метафоры выступает целый комплекс составляющих исходной ситуации: человек, самостоятельно, без посторонней помощи занимающийся каким-либо делом, обычно решает все попутно возникающие проблемы так же самостоятельно, поэтому не упустит случая использовать имеющиеся возможности – это все равно что самостоятельно облизать свою испачканную едой руку; получить при этом недоступные ранее возможности – все равно что попробовать домашнее масло, которое обладает хорошими вкусовыми качествами.

Состояние неопределенности из-за невозможности окончательного выбора может быть передано метафорически через описание поведения человека в конкретной ситуации: – *Так приворожишь человека, а сам его потом разлюбишь, а отворожить уже никак. – Да <...> он будет мучиться, и ты будешь всю жись мучиться, и ни туда, и ни к тому дереву, и ни к другому*. Метафорический фразеологизм отражает ситуацию, в которой человек, чувствуя себя невыносимо в сложившихся условиях, не может изменить их, что интерпре-

тируется как невозможность выбора положения в пространстве относительно двух объектов.

Наряду с антропоморфными метафорическими моделями поведения человека в диалектном дискурсе отмечается зооморфная модель «поведение человека – это поведение животного», являющаяся вариантом базовой метафорической модели «человек – это животное». Она основана на наблюдении за поведением животных, живущих в непосредственной близости к человеку. При использовании образов животного мира в качестве источников метафор вступает в силу фактор антропоцентризма: человек измеряет, оценивает окружающее, избирая в качестве нормы, «нулевой точки» собственные параметрические характеристики или свое представление о «правильном», «допустимом». Избирая объект животного мира для характеристики человеческих особенностей, говорящий оценивает его как соответствующий или не соответствующий норме мира человеческого (см. об этом [6]). При этом объект, рассматриваемый как элемент своего класса, может полностью соответствовать «своей» норме. Например, зверь, в дикой природе съедающий другого для того, чтобы не остаться голодным, с точки зрения человека, проявляет жестокость, метафорически *зверь* – ‘злой, жестокий человек, способный уничтожить другого (морально или физически) ради достижения своей цели’; количество жидкости, объективно необходимое для организма животного, человеком субъективно воспринимается как превышающее норму (*Я сюда приехала, в Ураловку <...> Одне воры <...> и пьяницы. Дамы все пьют, как кобылы, невозможно*). Поведение человека метафорически интерпретируется как поведение собаки (*Раньше как было, надо было лизнуть, а я увкнул. Нельзя было урубо уговорить. Никому не понравился в райкоме; Муж от меня уходил. <...> Он работал когда, ехал в Комиссаровку зачем-то, её повёз. Ну и снюхался с ней. А я не узнала*). Метафоры называют действия, не являющиеся нормой по отношению к поведению человека и поэтому оцениваемые негативно. Основание для сопоставления может быть и объективным, например реальное поведение кукушки, оставляющей снесенные ею яйца в гнездах других птиц (*– А кукушку как раньше называли? – Кукушку как называли, не помню, а вот та, которая детей бросает, то звали кукушка. Женщину*). Данное поведение не является нормой ни для животного мира, ни для мира человека, и, хотя ИЗ метафоры свободно от оценочных компонентов, отступление от нормы очевидно.

Ряд метафор интерпретирует человека, ведущего себя определенным образом, как предмет, обладающий какими-либо характеристиками. Рациональная оценка, выраженная в номинативном значении ИЗ, может выступать основанием и для оценочного компонента метафоры (*золото* – ‘о человеке, чьи личные качества оцениваются высоко’). Значимым при метафоризации может оказаться также периферийный признак ИЗ. Например, в метафоре *балалайка* (‘человек, не умеющий скрыть какую-нибудь информацию’) это признак «*легкий*»: музыкальный инструмент издает тренькающие высокие звуки, «легкие» по звучанию, поэтому человек, легко, свободно распространяющий информацию, наделяется именем этого инструмента. Значимым для метафоризации оказывается и тот факт, что игра на балалайке – это забава,

развлечение, а объект номинации, с точки зрения говорящего, человек не-серьезный.

Реализацией базовой модели «человек – это растительный организм» являются метафоры, отражающие интерпретацию поведения человека через образы растительного мира: ленивый человек сопоставляется с упавшим деревом (*валёжина*; ИЗ – ‘упавшее сгнившее дерево’); естественный для упавшего дерева признак «лежащий» является противоестественным для человека, по отношению к которому в качестве нормы утверждается постоянное движение; перенос в иную сферу мотивирует возникновение оценочного компонента метафоры. О несамостоятельном, зависящем от другого человеке говорится, что он *как сноп* (*Мы в лагерьх сидели, под проволокой, немцы загоняли в Латвию. <...> А чё, мамка да мы пятеро* (детей), *как снопы, с мамкою*). Образ снопа использован как источник для метафоризации, вероятно, потому, что сноп, который бросают на землю, падает грузно, тяжело (ср. лит. выражение *упал как сноп*) и создает впечатление чего-то не предназначенного для быстрого перемещения с места на место; точно так же маленькие дети для взрослого являются в некоторой степени грузом, обузой, ограничивают свободу его перемещения.

К поведению в целом можно отнести и трудовое поведение человека. Глагольным метафорам, обозначающим выполнение работы, свойственна обобщенность семантики: *отдубасить* – ‘провести какое-то время, занимаясь тяжелым физическим трудом’; *пропахать* – ‘провести какое-то время, занимаясь тяжелой работой’; *кочегарить* – ‘выполнять тяжелую работу’. Оценка называемых действий как требующих больших физических усилий служит основанием для метафоризации. Вообще же работа чаще всего интерпретируется как совершение повторяющихся однотипных движений. Глаголы вращательного и беспорядочного движения (*ворочаться, крутиться, толочься, топтаться, шевелиться*) в диалектном дискурсе получают метафорическое значение ‘постоянно быть в работе, хлопотах’. Основанием для метафорического переноса выступает признак «находиться в состоянии непокоя», входящий в исходные значения каждого из глаголов. Значение физического воздействия на объект (*ковыряться, копать*) служит основанием метафорического значения ‘потихоньку, не спеша выполнять повседневную работу по дому и хозяйству’. Актуальна в диалектном дискурсе и метафорическая модель «работающий человек – это животное»: *А работала, вот как ишак какой хороший, вот; Работалы, як кони; Война началась – пошёл механизатором. Рабский труд. Всё время в хомуте; Перешла в пятый класс, и я с матерью на работу стала ходить. <...> И как пошла, и запряглась, и запряглась.*

Физические действия, характер протекания или способ выполнения которых отличается от обычного, также могут быть метафорически интерпретированы как действия, совершаемые в иной сфере, например, для сообщения о приеме пищи выбирается глагол физического действия (*Ну куда так **молотить!** Ешь поспокойнее*). Процесс приема жидкости интерпретируется как действия с неодушевленными предметами (*В тадышнее время эт первое блюдо – квас. <...> Вот и **наворачивали** самогонку да и этот квас*). Действия, которые совершаются в объеме, превышающем норму, обозначены глаголом, в прямом значении называющим повреждение объекта (*Медичка на-*

ша приходила, ему уколы **нашпарила**), – переносное значение образуется на основании ассоциативного сходства интенсивности выполняемых действий. К данной группе относятся метафоры, построенные по модели «перемещение человека – это перемещение птицы» и отражающие базовую метафорическую модель «человек – это животное/птица». Высокая скорость перемещения обычно передается через глаголы, называющие перемещение в пространстве птиц, не самых быстрых из всех живых существ, но чаще всего наблюдаемых (поскольку в метафорах в первую очередь используются образы, которые более близки говорящему): *Залетает опять этот Шевченко; Этот только замахнулся, а Серёжка раз! – и перелетел в другой конец двора.*

3. Психические свойства и состояния человека

Метафоры, интерпретирующие психические свойства и состояния человека, отражают его интеллектуальные способности и эмоциональные состояния. *Память* (синонимом к которой в диалектном дискурсе выступают *голова, ум, мозги*) интерпретируется как пространство, заполненное информацией, в первую очередь мыслями и воспоминаниями, как субъект, выполняющий какую-либо работу, и как объект, наличествующий либо отсутствующий у человека. Забытая информация оказывается *выкинутой, вышедшей, вылетевшей, выбитой, вышибленной из памяти (головы, ума)*. Голова какместилище информации может получать в диалектном дискурсе метафорическое воплощение в образе какого-либо помещения или предмета, который может быть заполнен; при этом отношение говорящего к интеллектуальным способностям человека и к его поведению определяет характер источника метафоризации (ср. обозначение головы как *чердака, курятника, котелка* для выражения неодобрительного отношения). Субъектный образ человеческого мозга реализуется во вторичной метафоре *мозг – это механизм (мозги работают)*, «первой ступенью» которой является уподобление действующего механизма работающему человеку. Ум и память, интерпретирующиеся как некий объект, как свидетельствуют примеры диалектных метафор, могут быть *потеряны*, что обычно негативно характеризует человека (*Ну пусть пьёт, ум теряет*).

Информация, заполняющая память, в свою очередь, может быть представлена как объект (который теряют или находят, причем в метафорической интерпретации забывание чаще не подлежит контролю со стороны человека) и как субъект (который может самостоятельно перемещаться в пространстве памяти или выходить за ее пределы): *Ты смотри-ка, то всегда пою эти песни, а тут как **вышибло**; Вот как вот **выйдет с головы**, ничё – забывается; Да чёрт его знает, **на ум пришло**; У Нины **память больше**, она-то больше расскажет; А вот я уже скоко живу (в Амурской области), а вот слова ще не **выкидываю** белорусские. Я их уже многих **выкинула**, но всё равно (г)де-то скажешь по-белорусски; Тот одно сказал, тот другое, и так воспоминания **идут**. Отдельные метафоры демонстрируют интерпретацию памяти как водного пространства, в котором то, что вспоминается, всплывает на поверхность (*Уже двадцать семь лет как вот в сентябре будет, всё равно не забыла я. Всё равно все молодые годы **всплывают***), а также восприятие того, что неожиданно вспомнилось, как птицы (*Хорошая песня есть, да что-то она**

мне **на ум не налетела**). Оба образа отражают восприятие воспоминаний как неконтролируемых человеком сущностей.

Метафора позволяет описать ощущения и состояния человека, а зачастую является единственным способом передать информацию подобного рода. В метафорической интерпретации чувства и ощущения предстают чаще всего как активные субъекты, совершающие физические действия по отношению к человеку-объекту: «воздействие» абстрактного объясняется через метафорические употребления слов, в прямом значении относящихся к материальному, освоенному человеком, измеримому. Переживание негативного эмоционального состояния интерпретируется как физическое воздействие на объект (*зло берет, обида взяла, печаль подковыривает, страх забрал*). Возникновение/завершение позитивного эмоционального состояния метафорически моделируется как перемещение субъекта в пространстве (*радость не идёт, счастье уже прошло*). Модель, объединяющая подобные метафоры, может быть сформулирована как «эмоции – это человек». Метафорически чаще интерпретируются те эмоциональные состояния, которые оцениваются как отрицательные. При этом все эмоциональные состояния, включая и «положительные» – счастье, радость, в метафорической интерпретации неподконтрольны человеку. Эмоциональные состояния метафорически осмысляются и как физические изменения, происходящие с неодушевленными объектами, в чем проявляется общий принцип когнитивной деятельности: освоение абстрактных понятий через конкретные. При этом эмоциональное состояние чаще всего мотивировано физическими действиями человека, а источником метафоризации выступают в основном глаголы, относящиеся к неживой природе: *прирасти* – ‘остаться где-л., привыкнув к чему-л., начав жить чем-л.’ (*Я по этой земле хожу, я от этой земли питаюсь, всё, я приросла, вы поймите*); *остыть* – ‘стать равнодушным к чему-л. или кому-л.’ (*Он сам со Свободного, а вот влюбился, не мог. И остался тут. И остыл*); *выплеснуться* – ‘дать волю эмоциям’ (*Она настроена агрессивно, что ей надо на кого-то выплеснуться*).

4. Физические свойства человека

Наиболее яркими и частотными в данной группе метафор являются общие характеристики внешнего вида. Метафоризация может осуществляться на основании сопоставления как с одушевленным объектом, так и с неодушевленным. Целью метафорической характеристики внешнего вида человека выступает не столько его характеристика, сколько оценивание как эстетически привлекательного или не привлекательного, соответствующего или не соответствующего принятым нормам.

Образы артефактов используются как источники метафорического переосмысления в основном для положительной характеристики человека; в качестве основания для метафорического образа используется некий образец, оцениваемый говорящим позитивно, соответствующий представлениям говорящего об эстетической норме (например, *кукла, статуэтка, картиночка* в метафорических сравнениях). При перенесении оценки из исходного значения в метафорическое может произойти ее изменение (например, *шапка* для характеристики очень густых волос (*У меня знаешь, какие густые были волосы! М-м! Шапка!*), признак, который в прямом значении расценивался как

нейтральный и соответствующий норме, при метафоризации приобретает положительную оценку).

Отдельные метафоры выстраиваются в соответствии с моделью «человек – это животное». Для характеристики внешности человека используются образы живых существ, внешний вид которых неприятен говорящему. Основанием для метафоризации служит, например, эстетическая непривлекательность, свойственная объекту-источнику (*Во мне никакого вида нет женского, как общипленный рябчик; Вот урзный человек, урзнула — чушка называли*).

Метафорические единицы, относящиеся к внешнему виду человека и являющиеся частной реализацией модели «человек – это натурфакт», свидетельствуют о том, что в народной культуре ценятся дородность и крепость человека: *Пальчики как виноград, ноги, фигура, всё; Он оденется, как огурчик идти; А я родила када, он пять килоурамм был, как кабачок, такой был*. Среди метафор встречаются единицы, передающие нейтральную в эмоциональном отношении оценку физических характеристик человека, так, например, для указания на особенности телосложения употребляется метафора *сухостой*: *Ну, он худой такой, сухостой, он почему ещё у нас это, бодренький. Сухой такой вот, жилистый дядька* (ИЗ – ‘засохшее на корню дерево’, РЗ – ‘жилистый, сухощавый человек’).

Свое физическое состояние человек обычно характеризует исходя из возможности или невозможности выполнять какую-либо физическую работу, выбирая для метафорического переосмысления образы материальных объектов (*Молодой человек-то как мотор; То я раньше день работала, вроде не уставала, а сейчас как тряпка*). Физические действия говорящего могут выступать метонимическим обозначением его физического состояния: человек физически активный представляется находящимся в движении или стоящим, готовым начать движение, поэтому прекращение активности может быть отражено метафорами *сесть, загибаться* и др. (*шевелиться не будешь – совсем сядешь*).

Таким образом, анализ метафорики амурских говоров позволяет сделать вывод, что в диалектном дискурсе метафорическое обозначение чаще всего получают следующие аспекты понятийной сферы «человек», актуальные для диалектоносителя: физическое состояние, здоровье, память, поведение, психическое состояние. Представления о жизни в целом и ее отдельных событиях, времени, смерти формируются через конкретные образы, вписанные в реальное пространство, источником которых является реально наблюдаемый и ощущаемый мир. В метафоре отражается в первую очередь телесный, физический опыт человека. Так, многие абстрактные понятия моделируются как перемещение в пространстве или как физическое воздействие на объект. Это позволяет сделать нематериальную сущность измеримой путем включения в пространственную систему координат, «материализовать» ее. Внутренний мир человека в большинстве случаев конструируется по аналогии с внешним, для этого диалектоноситель использует метафорически переосмысленные образы животного и растительного мира. Немаловажными оказываются те оценки, которые человек вкладывает в буквальные, неметафорические значения, фоновые, периферийные знания (например, в интерпретации поведения человека посредством использования образов животных).

Рассмотренные метафоры отражают специфику миромоделирования в диалектной языковой картине мира. Одной из значимых особенностей восприятия мира диалектоносителями является получающая регулярное отражение в метафорах диалектного дискурса идея **неконтролируемости жизни**, пассивный взгляд человека на мир. Это выражается в том, что диалектоноситель склонен интерпретировать свою позицию как объектную по отношению к другим субъектным позициям. Абстрактные сущности метафорически интерпретируются как активные субъекты, оказывающие воздействие на человека либо независимо от него перемещающиеся в пространстве (*война заставила, жизнь сгубила, горе убило, жизнь прошла, счастье ушло, болезнь пришла*). Наделяя абстрактные сущности способностью действовать независимо от человека, говорящий одновременно констатирует невозможность контролировать происходящее в его жизни.

Литература

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–416.
2. *Резанова З.И.* Диалектный вариант универсальной метафорической модели «мир – это человек» // Язык и культура в евразийском пространстве: сб. науч. ст. XVI Междунар. конф. / отв. ред. С.К. Гураль. Томск, 2003. С. 148–154.
3. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
4. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.
5. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
6. *Резанова З.И.* Концептуальные метафорические модели «человек – это мир» и «мир – это человек»: к проблеме обратимости (на материале сибирских русских народных говоров) // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 287–295.